

СОКРАТ «ДЕСТРУКТИВНЫЙ» (ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ)

Д.Г. ТРУНОВ*

Предлагаемый читателю материал – эссе о Сократе. В центре внимания автора находятся, прежде всего, не философские воззрения, а именно личность Сократа, Сократ-человек. Автор отмечает, что предлагаемый текст, безусловно, не претендует на то, чтобы рассматриваться как «единственно верный взгляд» на философа. Скорее, он представляет собой возможную «фантазию» о философе, к тому же, выполненную в «психоаналитическом ключе». В статье проводится реконструкция центрального внутреннего конфликта, который, по мнению автора, определил не только развитие философских взглядов Сократа, а также его метода, но и наложил свой отпечаток на его судьбу.

Следующий ниже текст нуждается в предварительном пояснении.

Сократ деструктивный – это не «настоящий» Сократ. Смысл настоящей статьи вовсе не в том, чтобы реконструировать «личность Сократа», какой она была «на самом деле». Задача более скромная – нарисовать *возможный* психологический портрет человека по имени Сократ, где просматриваются психологические мотивы его философского мирозерцания и некоторых его поступков. При этом статья ни в малейшей степени не ставит целью принизить Сократа или его философию, редуцировав ее до уровня «сублимации психических комплексов». Я с огромным пиететом отношусь к Сократу. Он всегда восхищал меня как человек – именно как человек, прежде всего, а потом уже как философ. Но не так уж странно, что мне как психотерапевту захотелось посмотреть на него со своей стороны, несколько не умаляя его значения как философа. Я попытался увидеть в глубине Сократа не великого мудреца, а простого человека со своим индивидуальным отношением к миру. Предпринятая мною попыт-

* *Трунов Дмитрий Геннадьевич* – канд. философ. наук, доцент кафедры психологии Пермского государственного университета, практикующий психотерапевт.

ка анализа не затрагивает ни исторические, ни философские аспекты его существования и деятельности – это сугубо психологический анализ особого (но, опять же, отнюдь не клинического) случая. Я прекрасно сознаю, что написанное мною – исключительно моя фантазия (что и отражено в названии статьи). Думаю, однако, что я имею право на этот вымысел, поскольку я, действительно, с искренним восхищением и уважением отношусь к его главному герою.

Итак...

Начнем с того, что *риторика Сократа – это деструктивная риторика*.

Конечно, сократовская риторика *не явно* деструктивна. Деструкция здесь сублимирована в более или менее социально приемлемые формы. Главные же средства сублимированной деструктивной риторики Сократа – это ирония, сомнение и вопросы.

Ирония есть низвержение оппонента с помощью весьма коварного оружия – особого рода юмора. Чтобы принизить оппонента, то есть *разрушить* его существующий статус, необязательно прибегать к оскорблению, то есть прямой деструктивной риторике. Ирония – это, возможно, и эффективное, но, в то же время, скрытое унижение, против которого трудно найти защиту.

Следующее средство – *сомнение*, а сомнение само по себе – не что иное, как *разрушение* постулатов или догм, на которые опирается человек. Это расшатывание уверенности в чем-то незыблемом. Твердая вера, как известно, не совместима с сомнениями. Опять же, сомнение – это не явное опровержение, а весьма скрытое и коварное, оно закрадывается незаметно, как паразитирующая инфекция, и начинает исподволь подтачивать, разрушать «организм-догму» изнутри. С сомнением, как с внутренним врагом, гораздо труднее бороться, чем с какими-либо явными контраргументами, идущими со стороны.

Из диалогов Сократа можно заметить, что он практически никогда не выступал как активный оппонент. Например, он не говорил своему собеседнику, что тот, дескать, думает ошибочно, или что он, Сократ, не согласен с ним. Он просто задавал ему *вопросы*. Причем, такие вопросы, которые автоматически заводили оппонента в тупик, что означало разрушение его изначальной позиции. Стоит отметить, что даже в том случае, когда кто-то осмеливался атаковать Сократа в ответ, он, как правило, и сам терпел поражение от своих же собственных аргументов. Поистине метод Сократа – это «философское айкидо», боевое искусство интеллектуала.

Многие исследователи утверждают, что риторика Сократа носит *критический характер*. Слово «критика» в переводе с греческого означает

«разбор», ему соответствует латинское *analysis* – «разделение». Сократ разбирает и расчленяет идеи, мнения, верования и т.д. и т.п.¹. Предлагал ли Сократ что-либо другое или что-то свое, взамен разрушенному? На материале его диалогов мы можем сказать, что в большинстве случаев – нет. «Я знаю только то, что я ничего не знаю», – знаменитая фраза Сократа, свидетельствующая о том, что его полностью удовлетворял анализ (разделение), – синтез его, почему-то, не вдохновлял. Можно полагать, что большинство синтетических идей, которые Платон приписывает Сократу, на самом деле были изобретением, «вкладом», самого Платона. Миссия Сократа – анализировать (разбирать), миссия Платона – синтезировать (собирать).

Что же разрушал Сократ?

По мнению многих комментаторов, прежде всего, А.Ф.Лосева, Сократ разрушал «сомнительные», на его взгляд, мнения, догмы и ценности. Но именно они составляли идеологический фундамент подавляющего большинства граждан Афин. А потому задумаемся, только ли на идеологию замахивался Сократ? Ведь идеология является сердцем любого общественного устройства? Тогда, быть может, *Сократ разрушал окружающий его мир?*

С этой точки зрения, становится понятным обвинение, на основании которого суд приговорил Сократа к смертной казни. Диоген Лаэртский приводит слова этого обвинения: «Заявление подал и клятву принес Мелет, сын Мелета из Питфа, против Сократа, сына Софроникса из Алопеки: Сократ повинен в том, что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то – смерть» (*Диоген Лаэртский*, 1986, с.105). И вполне можно понять граждан Афин, проголосовавших против Сократа, поскольку они интуитивно чувствовали исходящую от него опасность. То, что он говорил, точнее то, к чему он вел в своих беседах, подвергалось сомнению *мир, в котором живут* его собеседники. Поэтому он воспринимался большин-

¹ Форму сократовского диалога можно было бы также назвать «деконструктивной риторикой», если под деконструкцией понимать сублимированную деструкцию. Базовый мотив деконструкции, который не выражается прямо, есть деструкция. Кроме того, приходится учитывать, что деконструкция в гуманитарной области практически *равна* деструкции. Если в области техники можно разобрать какой-нибудь механизм на части, потом его собрать, и он будет работать, быть может, даже лучше, чем работал до этого, то, имея дело с какой-либо гуманитарной ценностью, обнаружение того, как она устроена «внутри» (деконструкция), часто приводит к ее обесцениванию, то есть к разрушению (деструкции). Поэтому Сократа смело можно назвать одним из первых деконструктивистов.

ством афинян (особенно, успешными и состоятельными) как опасный человек, как разрушитель. И чем незаметнее он действовал, тем становился в глазах окружающих коварнее и опаснее².

Но каковы могли быть мотивы Сократа?

Здесь мы временно покидаем Сократа-философа и погружаемся в гипотетическую область – психологию Сократа-человека. К сожалению, у нас не так много материала в этой области. Тем не менее, позволим себе такое «путешествие».

Итак, сделаем первое предположение:

[1] *Сократ не любил мир, потому что сам не вписывался в его стандарты.*

Мы знаем, что Сократ был некрасивым человеком, возможно, очень некрасивым (некоторые даже называли его «уродом»). Сократ не мог не замечать своего несоответствия античным эстетическим стандартам и не мог не придавать этому значения, поскольку жил в обществе, где внешняя красота выступала одним из базовых идеалов. Вероятнее всего, напротив, он испытывал сильный психологический дискомфорт, по крайней мере, в молодости. К сказанному надо добавить, что Сократ был сыном скульптора (Платон. *Тезтет*, 149а). Кроме того, известно, что задолго до того, как стать философом, он был рабом (*Диоген Лаэртский*, 1986, с.99). Это значит, что он не имел того социального статуса, который имели другие.

Одновременно с этими внешними социальными ограничениями и в противовес им Сократ наверняка ощущал свой мощный внутренний потенциал, требующий реализации. Возможно, он пережил по поводу этого противоречия не один душевный кризис. В такие моменты Сократ не мог не испытывать обиды на судьбу. А что такое судьба? Это – боги, которым поклонялись афиняне.

Другими словами, у Сократа были весомые психологические мотивы для его «деструктивного поведения», направленного и против богов, которые одарили его такой судьбой, и против людей, которые им поклонялись.

² Софисты, которые тоже практиковали «диалоги», не покушались на идеологические устои; напротив, они следовали им. Их мотивы были понятны всем более или менее успешным гражданам Афин. Зарабатывая деньги своим ремеслом, они не многим отличались от обычных циркачей или фокусников, разве что их трюки имели интеллектуальный характер. И этим «трюкам» они учили других людей, платившим им за обучение. Даже сам факт того, что софисты жили за счет богатых афинян, говорит о том, что они не стали бы разрушать среду, которая их кормит. В свою очередь, власти Афин чувствовали в них «своих людей». Это был продуктивный альянс, полезный для обеих сторон. Другое дело – с Сократом. Он был явно «чужим» для большинства афинян.

Но почему деструктивность Сократа не была открытой, а приняла такие завуалированные формы? Возможно, Сократ был и просто миролюбивым человеком. Возможно, в нем было сильно нравственное начало. А может быть, им двигало естественное *чувство самосохранения*. Сократ не мог явно проявлять агрессию против людей, поскольку, в лучшем случае, его бы просто изгнали из человеческого сообщества, а в худшем – уничтожили бы с самого начала. Можно даже предположить, что уже с детства Сократ воспитывал в себе навыки доброжелательности. И только они и помогли ему выжить. Если бы не его «добродушная наивность», он просто не дожил бы до своего *акме*.

Поэтому вся агрессия Сократа, направленная против людей, трансформировалась в его скрытую и завуалированную деструктивную риторику, в которой сочетаются агрессия и доброжелательность, знаменитая сократовская ирония и гипертрофированная игра в «дурачка». Вот что пишет Диоген Лаэртский об отношениях Сократа с некоторыми из его оппонентов: «Он умел не обращать внимания на насмешников» (*Диоген Лаэртский*, 1986, с.101); «Он утверждал, что надо принимать даже насмешки комиков: если они поделом, то это нас исправит, если нет, то это нас не касается» (*там же*, с.104).

К тому времени, когда мы знакомимся с Сократом, он уже психологически защищен. Его чувство социальной неполноценности уравновешено или, как сказал бы А.Адлер, «компенсировано» тщательно скрываемым от окружающих, а, возможно, и от себя самого чувством интеллектуального превосходства. Однако некоторые оппоненты Сократа все же не выдерживали остроты его тонкого интеллектуального оружия и прибегали к тем деструктивным «аргументам», которые были им под силу. Диоген Лаэртский пишет: «Так как в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили» (*там же*, с.99).

Но было бы слишком упрощенно истолковывать специфику сократовских диалогов, исходя исключительно из его чувства социальной неполноценности, значение которого так подчеркивал А.Адлер. Если перевести внимание с *формы* сократовского философствования, с риторики, на *содержание* философии Сократа, то следовало бы, наряду с чисто *социальной* неполноценностью, разглядеть и что-то более значимое – *экзистенциальное*. Если в первом случае мы имеем дело с проблемами в оппозиции «Сократ и люди», то во втором – с проблемами в оппозиции «Сократ и мир». Причем у Сократа было два варианта решения противоречия «Сократ и мир», два взгляда на эту ситуацию: либо с миром что-то не так, либо с Сократом.

[2] В связи с этим сделаем второе гипотетическое предположение: *психологический мотив философской деятельности Сократа – доказать, что проблема в окружающем мире, а не в нем самом.*

Это Сократу, несомненно, удалось. В своей философии он интеллектуально разрушает окружающий его мир. На обломках разрушенного критикой *реального мира* Сократ закладывает основы философии *идеального мира*. Можно сказать, что мир идей – философское средство психологической защиты от мира людей и вещей.

Концепция идеального мира имеет еще одну функцию. В случае с Сократом оппозиция «Я и мир» первоначально тесно связана с оппозицией «Я и гармония мира». Однако уже на своем примере Сократ мог убедиться, что мир устроен далеко не так гармонично, как это представляли «древние мудрецы». *Своей философией Сократ разрушает реальный мир, но не гармонию.* Мир идей, с одной стороны, подтверждает веру Сократа в гармонию, а с другой стороны, помогает принизить реальный мир. Гармония все-таки есть, но она не в этом мире. Этот мир – лишь слабая копия другого и, вероятно, далеко не первая. А потому этот мир не стоит никакого внимания.

Как философскую защиту от чувства неполноценности можно рассматривать рассуждения Сократа о красоте. Как известно, Сократ отдавал предпочтение красоте внутренней, духовной, по сравнению с красотой внешней, основанной на физических пропорциях. Сократ считал, что главное в красоте – не соответствие канонам, а ее целесообразность. Вещь красива, если она хорошо выполняет свои функции. Человек красив, если он ведет себя морально. Эстетические каноны – это прежде всего каноны этические (Лосев, 1969, с.58-69).

Таким образом, наш «психологический анализ» показывает, что философские изыскания Сократа и его деструктивная риторика могут быть мотивированы желанием принизить окружающий мир, людей, живущих в нем, ценности, которыми они руководствуются, с целью психологической (философской) защиты от собственного чувства неполноценности, как в социальном, так и экзистенциальном масштабе.

Но это лишь означает, что защитный мотив вторичен по отношению к чувству неполноценности, что само чувство неполноценности должно тоже как-то присутствовать в глубине души Сократа и мотивировать его к каким-то *иным* – специфическим для этого чувства действиям.

[3] Третье предположение заключается в том, что *Сократ смутно понимал, что проблема все-таки в нем самом, а не в окружающем мире.*

Думаю, что изначально Сократ не любил себя, потому что *его не любил мир.* Вероятно, мир с самого начала его отрицал, а потому любовь к

себе (такому, каким его видел мир, остальные люди) просто не могла зародиться в сердце Сократа.

Он смутно осознавал, что в оппозиции «Сократ и мир» один – лишний. Кто-то должен «погибнуть» – либо Сократ, либо мир. И поэтому он разрушал мир по мере своих риторических возможностей. Но еще более глубинным было понимание того, что лишний именно он – Сократ, а не мир. И что сам Сократ – всего лишь крупинка того мира, против которого он выступает. Значит, именно Сократ должен быть устранен, в целях все той же гармонии. Сократ был *идеологом гармонии*. И эта идеология была направлена против него самого.

Таким образом, по изначальной логике вещей, которая не была разрушена философией Сократа, а была лишь вытеснена ею в скрытое неосознаваемое состояние, Сократ должен был покинуть этот мир. И это именно то, что должно говорить ему чувство неполноценности: «Такой, как ты, не должен жить в этом мире».

Психолого-философический феномен Сократа заключается в том, что ему были присущи две позиции, причем, одна более явная (разрушение мира) прикрывала другую, более сокровенную (саморазрушение). Такая двойственная позиция – с одной стороны, Сократ против мира, с другой, мир против Сократа – нашла выражение в феномене «внутреннего голоса» Сократа: его «даймона», или «гения».

Сократ признавался, что его внутренний голос «всякий раз отклоняет... от того, что я намерен делать, а склоняет к чему-нибудь никогда не склоняет» (*Платон. Апология Сократа 31d.*). «Демон» Сократа говорил ему: «Не делай этого», но никогда не говорил: «Делай то». В результате, он заставил Сократа отрешиться от стандартных мирских ценностей. Возможно, Сократ слышал лишь *отзвук* того, что на самом деле шептал ему его «демон», он не мог выслушать его до конца – не был готов, не хотел или боялся? Возможно, ему было страшно услышать целиком то, что говорил ему внутренний голос: «Не делай этого – это не для тебя. Ты не такой, как все. Ты не должен жить в этом мире. Ты должен умереть».

[4] Таким образом, «демон» Сократа – это голос той изначальной и неуловимой тенденции, которая привела его к смерти, к которой он был готов. «Демон» – это отчужденный от самого себя Сократ, а именно – его сокровенное желание умереть. Голос «демона» формулирует главную цель жизни Сократа. Но эта цель распознается Сократом далеко не сразу. Сначала он слышит лишь первую часть фразы и то неотчетливо, затем – открывает себя вторую. Жизненный путь Сократа – это постепенная расшифровка послания, адресованного самому себе. Это иллюстрация к тезису Сократа о том, что «познание есть воспоминание». Дельфийский

призыв «Познай самого себя» для Сократа означает «Узнай о своем желании умереть». «Самое само» Сократа – это его собственная смерть.

Сократ «вытесняет» свое желание смерти, он на долгое время «забывает» его, «замещая» неутомимой критической и философской деятельностью: «Все выглядит так, как будто нужно разрушить другое и других, чтобы не разрушить самого себя, чтобы оградить себя от саморазрушения», – писал Фрейд о похожих «случаях» (Фрейд, 1989, с.365).

Сначала Сократ не знает (не помнит) своей цели, но потом постепенно приходит к ней, предварительно оправдав своей философией ее необходимость. В преддверье смертного приговора Сократ, наконец, открывает сокрытый мотив своей жизни: движение к смерти. Поэтому он спокоен, узнав, что его осудили на смерть, чем удивляет всех. Поэтому – не воспользовался услугами друзей, приложивших все свои силы к тому, чтобы организовать его побег.

[6] Следующий вывод: *сокровенная философия Сократа – это апология смерти.*

Философские откровения Сократа в последние дни его жизни свидетельствуют о его личном прозрении. То, что он говорит о философии, он говорит, прежде всего, о *своей* философии и о философии тех, кому не чужды его переживания («философский психотип Сократа»): «Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним – умиранием и смертью. Люди, как правило, это не замечают, но если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться к одной цели, а потом, когда она оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся!» (Платон. Федон 64а).

Открытие Сократа, совершенное им на судебном процессе (или незадолго до него), было хорошо подготовлено им самим. Философско-риторическая деструкция мира – это не столько защита от чувства неполноценности, сколько постепенная подготовка к встрече со своей настойчивой потребностью в самодеструкции. Глубинный страх смерти мотивирует Сократа к формулированию философских идей, где традиционные негативные представления о смерти преобразуются в позитивные. Теперь потусторонний мир не кажется Сократу местом, отвращающим взор. В этом смысле понятым взгляд Сократа на философию как на «приготовление к смерти», как на деятельность, в процессе которой со смерти снимается ее устрашающий покров.

В диалоге «Федон», который, как известно, описывает беседы Сократа со своими учениками в последние часы его жизни, неоднократно говорится о предпочтительности смерти перед жизнью. Философская концепция идеального мира, куда, наконец (!), возвращается душа после смерти,

создает позитивный образ, помогающий человеку поверить, что уход от земной жизни является единственным путем к совершенному бытию. «Да, Симмий и Кебет, если бы я не думал, что отойду, во-первых, к иным богам, мудрым и добрым, а во-вторых, к умершим, которые лучше живых, тех, что здесь, на Земле, я был бы не прав, спокойно встречая смерть» (Платон. Федон 64а).

Сократ считал тело «темницей» и «могилой» души, пребывая в которой, она чувствует себя крайне несчастной, поскольку не может вернуться в мир идей. Лишь после смерти возможно идеальное существование души, где она сможет испытать истинное блаженство. Вот что говорит Сократ об освобождении души: «И лучше всего мыслит она, конечно, когда ее не тревожит... ни слух, ни зрение, ни боль, ни удовольствие, когда, распроставшись с телом, она останется одна, или почти одна, и устремится к [подлинному] бытию, прекратив и пресекши, насколько возможно, общение с телом» (*там же*, 65d).

Тогда почему не самоубийство?

«Мне нет места в этом мире» – вывод, который должен был сделать Сократ еще в молодом возрасте. Но он не делает того, что вытекает из этого вывода: не совершает самоубийства. Что-то останавливает его. Возможно, это страх смерти, возможно, какие-то этические императивы, возможно, врожденное жизнелюбие Сократа. Возможно, Сократ, по совету мудрецов полагал, что разум дается человеку для того, чтобы иметь мужество переносить жизнь, полную горестей и страданий. Сократ говорит о бессмысленности акта самоубийства: «...мы, люди, находимся как бы под стражей, и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать...» (*там же*, 62b). Возможно, это опять его стремление к гармонии, потребность в ней, которая, требуя от Сократа смерти, одновременно выступала препятствием для самоубийства. Сократ накладывает на него вето, оно недопустимо, ибо жизнь человека зависит от богов: «Не по своей воле пришел ты в этот мир и не вправе устраниться от собственного жребия».

[7] Таким образом, в Сократе встретились две противоречивые тенденции: *желание умереть и невозможность самоубийства*.

Освобождением от этого неразрешимого противоречия явился смертный приговор афинского суда. Сократ сделал то, что он хотел сделать, но не мог в силу собственных этических принципов. Для Сократа было очень важно, что решение пришло не от него, а от суда. Решение суда освободило Сократа от невозможности принятия решения о самоубийстве. Спокойное и даже радостное отношение Сократа к приговору можно объяснить тем, что суд полностью удовлетворил его потребность уст-

ранить себя, но формально это произошло не при участии лишь его собственной воли. Могу предположить, что казнь, где приговоренный является пассивным объектом действий палача, все-таки не устроила бы Сократа. (Возможно, в этом случае Сократ вообще не довел бы дело до суда.) Теперь он видел смысл в том, чтобы сделать это собственноручно³. *Сократ сам освободил себя от жизни. Уже умирая от выпитого яда, со свойственной ему иронией он предложил принести в жертву Асклепию петуха в честь своего благополучного выздоровления (Платон. Федон 118).*

ЛИТЕРАТУРА

- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.
- Лосев А. Ф.* Теория античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969.
- Платон.* Апология Сократа. М.: Мысль, 1968.
- Платон.* Федон. М.: Мысль, 1970.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989.
- Чхартшвили Г.* Писатель и самоубийство. М.: 2003.

³ Самостоятельная и почти добровольная смерть Сократа дала основания Г.Чхартшвили (Б.Акунину) поместить Сократа в свою энциклопедию писателей-самоубийц (*Чхартшвили М.: 2003. С.545*).